

В иные времена эти две вещи были для меня несовместны. Как в памятном пушкинском определении про «гений и злодейство». Мне предвлялось, что если, к примеру, человек значился вчера замзавотделом обкома КПСС, а сегодня стал заведовать монастырским хозяйством,—это по меньшей мере сомнительное назначение, ежели не карикатура.

Но шли годы, десятилетия, и чем больше они относили вашего покорного слугу и Отечество наше от исторической смены вех, тем меньше зиял зазор между той кричащей несовместностью. В конце концов он превратился в игольное ушко, в которое может протиснуться библейский верблюд.

И когда я нынче встречаю на улицах этого сгорбившегося, сивобородого, будто миновавшего не одну пустыню человека, пусть не отмеченного преображением, но уж точно перерождённого, мне он давно не кажется ходячим укором. И хоть одаривает новоявленных рясоносцев мой верный товарищ, внук священника и стихотворец народных низов Николай Андриевский, убийственными мазками: «...а то павлиньи распушили ризы», — я спрашиваю его, себя и окружающих: «А Савл, ставший апостолом Павлом?»

И пусть сравнение хромает, но ведь Савл-то нас не шокирует. Мы даже исполнены к нему заведомым придыханием. И если уж Савл, то отчего бы не былой обкомовский функционер?.. И вообще, забудь про обкомы. Ну их.

Другое дело—Игорь. Или правильней—отец Игорь. Из композиторов—в протоиереи. Это как-то хорошо. Это близко. Это не просто музыкально, а даже симфонично. Нырнул композитором—вынырнул настоятелем храма святомученика Георгия Победоносца. Что подвигло? Зов Божий. Ну да—ответ общий, один на всех: что для функционера, то и для композитора,—но существует ведь и разница.

Однажды я уговорил принять обряд крещения маявшуюся от душевных метаний почтенную даму, некогда возглавлявшую литдраму на местном телевидении. К потускневшему функционеру, прими тот подобающий сан, она бы на сей счёт обратиться не соблаговолила. Но знавшая Игоря Ануфриева как автора симфонии «Звоны и песнопения», исполненной оркестром Пермского академического

театра оперы и балета, а также музыкально-драматического цикла для сопрано, чтецов и мужского вокального квартета «Стихи Чердыни Великой», не преминула ответить: «А вот к отцу (тут она слегка споткнулась) Игорю пошла бы...»

— Отец Игорь, по большому счёту любое творчество—крест. И в этом смысле нет серьёзного противоречия между несением этого креста пастелем, художником или композитором и долгом священнослужителя. Противоречие может заключаться в жизненном укладе и мирском поведении. А крестные муки могут быть схожими. И вот, словно в подтверждение этой мысли о схожести несения креста, за последнее время, особенно—на сломе веков и в том, что ему предшествовало, заметное число деятелей отечественной культуры не просто придвинулось к храму, но в прямом смысле в него влилось. Только навскидку: прозаик Ярослав Шипов служит на Патриаршем подворье в Зарядье и в храме Василия Блаженного; поэт Константин Кравцов—в московской церкви Благовещения Богородицы; некогда популярный литературный критик «огоньковской» плеяды Владимир Вигилянский—настоятель храма святой мученицы Татианы при МГУ; известная киноактриса Екатерина Васильева—казначей храма Софии Премудрости Божией в Средних Садовниках; выпускник вгика Тихон Шевкунов, чья книга «Не святые святые» у всех на слуху,—архимандрит и игумен Псково-Печерского монастыря. А композитор и лауреат премии имени Дмитрия Шостаковича Союза композиторов России Игорь Ануфриев—настоятель храма святого великомученика Георгия Победоносца в Перми. Чем, по-твоему, продиктован этот исход деятелей культуры?

— Не думаю, что так уж много деятелей культуры ушло в лоно Церкви. Какое-то число—да. Но оно всё равно малое. Каждый должен быть на своём месте. И деятели культуры—заниматься культурой. А почему часть из них уходит в храм?.. Полагаю, это зов Божий. И человек, если его слышит и откликается на него честно, то он действительно идёт к храму. Это не значит, что все должны бросить своё дело. Если Господь дал вам какой-то дар, то, даже придя в Церковь, нужно постараться этого дара не оставить. Может быть, преломить и сделать

так, чтобы он и в дальнейшем послужил людям. Но уже—в ином качестве.

Что касается меня, то, учась в Гнесинке и сочиняя музыку, я никогда не предполагал, что стану священником. Однако, ещё будучи студентом, всегда чувствовал благодать, исходящую от церковной музыки и вообще—от Церкви. Но потом, неожиданно для себя самого, так увлёкся стихией церковности, что стал петь в церковном хоре. Не скажу, что я быстро перешёл в священнослужители. Долго не мог на это решиться. Однако никогда впоследствии о том не жалел. И сейчас так получилось, что из-за нехватки времени заниматься светским творчеством у меня нет возможности, хотя тяга к этому не иссякла. Но думаю, если Бог даст, что-то ещё написать. Может быть, это будет какое-то иное качество музыки?

— Мне кажется, относительно храма у деятелей культуры сейчас наблюдается не только центростремительное, но и центробежное движение: с одной стороны—вхождение во храм, а с другой—принявшие священнический сан вчерашние выходцы из культурной среды нередко вспоминают свою мирскую профессию. Допустим, начинают приобретать известность в кинематографе—самом массовом, по известному определению, виде искусства. Глядя на них, некоторые продвинутые миряне иногда не без справедливого укора сетуют: «Ежели уж служить, то служи—занимайся тем, чем и должно заниматься священнику: принять исповедь, совершить обряды, съездить на требы, и сделать всё так, чтобы от этого исходила чистота безупречности. А не держись за киношную гашетку...» В этом месте взоры обычно скрещиваются на актёрствующем и «выведенном за штат» иерее Иване Охлобыстине. К тому же—исправно снимающемся в рекламных роликах, где, раскатывая «р-р-р», он оповещает телезрителей ликующим тенорком об «инфекциях горла»...

— Обращение священников к кинематографу может иметь разный посыл. А если это часть проповеди? Когда человек становится священником, то, согласно евангельским заповедям, одна из его обязанностей—несение слова Божьего.

— Даже если у него «инфекция горла»?..

— Я считаю, если человек языком кинематографа или телевидения может проповедовать, а не просто снимать некое светское кино или кино для заработка, то участие в кинематографе целено для его личности. При этом, согласен, личность священника не должна допускать раздвоения: вот тут я—светский, а тут—духовный. Если эта личность раздваивается, тогда не вопрос: нужна ли такая включённость его в жизнь светскую? Скорее всего, нет.

— Есть ощущение, что быть в Церкви и при Церкви стало граничить с некой модой, а то и выгодой. Когда священник, ничтоже сумняшеся, речёт, что «вознаграждение за освящение автомобиля зависит от объёма двигателя» (сам слышал!), сразу вспоминается Высоцкий:

*В церкви смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан.
Нет! И в церкви всё не так,
Всё не так, как надо...*

— Безусловно, все церковнослужители—это люди. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Естественно—не без греха. Без греха один Господь. И это обеспечиваает святость Церкви. Потому что Господь—её глава. А мы все—грешные. И это правда: то, о чём ты говоришь,—грех сребролюбия—он действительно присутствует в тех или иных случаях жизни некоторых священнослужителей. Только не нужно делать обобщающего вывода, потому что люди в храм приходят всё-таки не за куском хлеба, а для того, чтобы служить Богу. И среди них есть личности святой, праведной жизни. А то, что Церковь—сложный организм?.. Конечно. Так же, как всё общество...

— И всё-таки на подступах к семнадцатому году и после октябрьского переворота вот это, странноватое с моей точки зрения, неприятие большей частью простого и православного народа всего, что связано со словом «поп», наводит на некие размышления. Заметил—сейчас слово «поп» почти вышло из речевого оборота? А в атеистическую-то пору? Священника называли не иначе как попом. «Поп—толоконный лоб». Даже у Пушкина—«Сказка о попе и о его работнике Балде». Как это поделикатней-то сказать?.. Наверное, оттого что к семнадцатому году попы откровенно заигрались, они по балде и получили... Отчего люди рушили купола с крестами да колокольни? Стоит вспомнить, до какой демонстративной мерзости додумались большевики, когда в алтаре Белогорского монастыря учинили отхожее место, а затем, через годы, в самом монастыре—психушку...

— Я думаю, что были разные попы. И я не сторонник такого обобщения—что церковь так испортилась, что за это получила воздаяние. Тут гораздо всё сложнее, и, согласись, нам непросто из нашего времени судить о времени том—это более чем столет. Здесь надо видеть сейчас какой-то особый промысел Божий. В том, что Церковь и русский народ понесли такие страдания, конечно, много печали, но Господь так всегда ведёт, что от зла он всё равно приводит к добру.

После октябрьского переворота не только ведь церкви крушили, но и было огромное количество исповедников и мучеников. Это миллионы людей, которые засвидетельствовали всей своей жизнью

и смертью веру во Христа. А определённая часть населения — да, ушла в неверие и в осквернение веры. Но если посмотреть историю Церкви и государства Российского, да и историю мировую, так было всегда и везде.

И то, что мы сегодня имеем в России возрождающуюся православную веру, которая во всём остальном мире угасает (если глянуть на Европу, Америку — там подлинной и крепкой веры нет, хотя всё в достатке, всё хорошо), а в России она есть. Благодаря чему? Благодаря тем страданиям, которые мы все претерпели. Потому что Церковь — это не только иерархи и священнослужители, но и весь народ — миряне, верующие.

Однако в том, что мы все за эти долгие десятилетия вместе с Церковью перенесли, надо видеть очищающее страдание. Конечно, были грехи. Но я говорю, что это всё неизбежно, потому что мы все — люди. Есть святые, есть подвижники, но как общество людей — мы не можем быть идеальными. Мы можем только стремиться к идеалам.

— Отчего, на взгляд протоиерея, зависит, что прихожане выбирают какой-то определённый храм, а не другой: от близости к местоположению храма, церковного убранства, внутреннего доверия к священнику?

— Но ты сам уже практически ответил на поставленный вопрос...

— А дальше последует ещё один, на котором я попытаюсь поймать своего собеседника.

— Конечно, пространственная близость к храму — важный фактор в выборе его прихожанами. Но мы знаем и другое: что люди ездят с противоположного края города совсем в другую церковь. Потому что они там нашли ту духовную атмосферу, которая им близка. Это не значит, что она самая идеальная. Но сейчас, слава Богу, у прихожан есть выбор и священнослужителя. Если раньше в округе были один-два действующих храма — и хочешь не хочешь, но все туда шли, и эти храмы были переполнены. А сейчас человек может выбрать — по своему духовному и душевному устройению. И при этом, конечно, важна личность священнослужителя. Потому что нам всегда нужен посредник. Не всякий может прямо прийти к Богу. Для этого необходим человек, который нас поведёт.

— Здесь напрашивается светская аналогия: большой выбирает врача?..

— А это близкая аналогия. Потому что, как правило, люди приходят к священнику с болью. И просят исцеления.

— Тогда вот он, вопрос. В пределах Чусовского этнографического парка, некогда созданного трудами Леонарда Постникова, где, кстати, любил

останавливаться Виктор Петрович Астафьев, возведена церковь Святого Георгия — прямо-таки придет настоятелю одноимённого храма Георгия Победоносца отцу Игорю Ануфриеву! Но в той церкви нет службы — не готов сказать, почему. Он открыт, этот храм, и там всё есть — алтарь, иконы, подсвечники, свет, чистота... И я сам видел, как туда, минуя городские приходы, приезжают люди — кто на машине, кто на велосипеде. Ставят свечи, молятся. Не оттого ли, что здесь это можно делать уединённо, не перебарывая в себе присутствие тяжко дышащей массы народа?

— Ну, может, здесь сказывается влияние самого места? Потому что если нет службы, как бы ни был красив храм и убранство его... Но согласен с тобой: бывают такие состояния, когда нам действительно нужен маленький и тихий храм. Однако большие храмы тоже нужны. Многолюдные, с торжественными богослужениями, в которых проявляется торжество православия. Скажем, храм Христа Спасителя. Это — воистину видимая сторона нашей Церкви, олицетворение Патриаршего богослужения. Но, помимо этого, есть ещё духовная жизнь, которая человека ведёт порой в тихий, уединённый и даже не обязательно замечательно убранный храм. Человек там ищет другое. В идеале — каждому нужен свой храм.

— Насколько я знаю, ты и до принятия сана был близок Церкви — сочинял и серьёзную симфоническую музыку, и композиции на слова отца Павла Флоренского и на старообрядческие тексты. Но скажи: не заужает ли сан тебя как композитора? Представь, если бы Моцарт стал священнослужителем?.. Не сковывало бы сие его брызжущую солнцем натуру?

— Я думаю, если бы Моцарт стал священнослужителем, это бы не заузало его творчество. Потому что оно насквозь гармонично.

— По-моему, у него не было никакой необходимости становиться священником, потому что он сам в себе уже нёс эту гармонию.

— Я говорю гипотетически: если бы. А так, конечно, зачем это Моцарту? Его служением была музыка. Но мы знаем, что священнический сан принял Ференц Лист. И это не заузало его творчество. Оно пошло в сторону философского углубления. Он, может быть, и отошёл от внешних виртуозных пассажей, которые у него были по молодости, но это естественный путь. Я думаю, он бы и так от них отошёл, даже не будучи в сане. Мы знаем, что и Вивальди пребывал в сане священника. Разве это повлияло отрицательно на музыку Вивальди?

Другое дело, что священный сан, действительно, обязывает отойти от чего-то легкомысленного, недостойного и внешнего, которое бывает

в искусстве, но священнику, да и вообще человеку православному, это кажется неестественным. Поэтому не считаю, что священный сан зауживает художника. Просто на этом пути преломляется изменение человеческого мировоззрения. Это только в творчестве Стравинского мы находим некоторую эклектику: он и там, и там, и там— всё время менял своё лицо. В музыкальном мире его называли «хамелеоном». Но Стравинский— исключение.

— *Возьми пространство иконы. Оно стиснуто внутренними рамками и каноном изображения. И в этом узком пространстве доступными ему средствами богомаз пытается сказать о многом. Канон даёт тебе за счёт скованности искать иные пути изобразительных возможностей. А когда художник не в каноне— у него широкая палитра, он распахнут, может работать или в кубизме, как Пабло Пикассо, или в импрессионизме, как Клод Моне. Я понимаю, что здесь большую роль играет момент личного выбора и следования Провидению. Но миссия художника как такового— в разрыве канона. Даже если ему хочется в каноне остаться, он рано или поздно всё равно его превысит. Вспомни пермскую деревянную скульптуру. Ценность её— в заступе за каноническую черту. Как когда-то заметил один из основоположников уральской поэзии Владимир Радкевич: «Ибо сила искусства— это вызов богам!»*

— Мы ведь не будем отрицать светскую живопись и музыку? У неё есть своё место в культуре. Человек не может всё время молиться и находиться в храме. Это— уже монашеский путь, стезя для избранных. Поэтому нужны высокая светская музыка, хорошая светская живопись и глубокая светская литература. Я же не утверждаю: только канон— и ничего более. Это— разные вещи. Есть церковное искусство. Но есть и светское искусство. Между ними нет противоречия. Некоторые их разделяют.

Но возьмём русскую живопись— она не противоречит иконам. Или— светскую музыку: она не противоречит духовной музыке. Это— цельная русская культура. Думаю, что и западная— тоже. Это в современном мире всё разорвалось...

— *Парадокс, но в атеистические времена серьёзная симфоническая музыка была востребована больше, нежели теперь, когда кажется, что все стали резко верующими. Однако сегодня мы наблюдаем засилье не просто лёгкой, а откровенно бездуховной музыки, вгоняющей зомбирующие матрицы в сознание людей.*

— В атеистические времена, конечно, существовала цензура, но мы жили тогда в основном на остатках русской православной культуры. Да, вера была запрещена, храмы преимущественно закрыты, но атеизм же не создал какой-то своей самобытной культуры.

— *Хотя у атеизма был кажущийся синоним: социализм. Но назвать-то можно как угодно.*

— Вот именно! Советские композиторы— это бывшие русские композиторы, ученики великих мастеров прошлого. То же самое— художники и писатели, чьё творчество, правда, в закодированном виде, несло ту же истину. А сейчас, когда нет цензуры в том, прежнем, понимании этого слова и то, что называется искусством, пущено на сплошной поток истина размывается и насаждается не истина...

— *Мало того: выбирается пресловутый формат. Но в итоге он выворачивается в формат бездуховности.*

— И он навязывается! Я знаю, что есть талантливые произведения. Но им не дают ходу. Они не нужны. Говорят: «Вы не востребованы!» А что востребовано? Вот этот мутный поток? Да он навязан!

— *Особенно это навязывание опасно для юных умов и душ. Вот ты был проректором по регентскому отделению и отделению сестёр милосердия в Пермском духовном училище, а затем— семинарии. И, стало быть, ведаешь, какими путями приходят сюда молодые люди?*

— Молодые люди, приходящие сюда послужить Церкви, делают свой выбор с юности. И это, конечно, особый путь, потому что, в том числе и по сегодняшним временам, он— редкость. Этих людей мало. Их не может быть сейчас много, исходя из навязывания того мутного потока, заполонившего культурное пространство. Возраст? Восемнадцать-двадцать лет, кому-то— чуть больше.

Что касается путей, которыми они сюда приходят, то выбор— это всегда для человека такая тайна Божья. Это— избранничество. Отчасти это дети из церковных семей, которые уже получили соответствующее воспитание. Они выросли в то время, когда уже не было запрета на религию. Есть люди, которые приходят в духовную семинарию от обратного, когда душа не принимает всей этой накипи и пены.

В силу того, что я был слушателем Свято-Тихоновского православного гуманитарного университета, а значит, иногда бывал в Москве, могу сказать, что там очень много молодых людей можно увидеть в храмах. И знаешь почему? В столице с послеперестроечных лет быстрее дала ростки греховная культура. И молодые люди, быть может, вкушившие этой культуры или просто оттолкнувшиеся от неё и ужаснувшиеся гримасам её греха, приходят к Богу, ища защиты от смрада греховного.

— *То есть опять-таки— от противоположного?..*

— Совершенно верно. В провинции этот процесс тоже идёт. Правда, он начался позднее, чем в столице. Но приток молодых людей чувствуется

и в храмах, и в нашей духовной семинарии. Пусть он немассовый. Но быть массовой Церковь и не должна, потому что Господь говорит о малом стаде. Большинство никогда не пойдёт к истине. Это нам показывает весь ход мировой истории.

В мире должно быть равновесие. Поэтому он представляет собой некие весы. Если бы эти весы сломались, мир бы погиб. И в ответ на умножающийся грех происходит умножение благодати.

Грех — он массовый. А благодатных и праведных всегда мало. Читаешь жития святых — это же были единицы, десятки, ну, сотни. И сейчас такие люди есть. И Господь продолжает воздвигать светильники, освещающую тьму. Когда смотришь на этих ребят и девушек, которые с юности искренне выбирают путь служения Церкви, нелёгкий путь, тернистый, это наполняет сердце надеждой, что не всё уж так у нас в России плохо. Есть ещё будущее на этом свете.